

**ВОЕННО-ФАНАСТИЧЕСКИЙ
БЕСТСЕЛЛЕР**

АЛЕКСАНДР САМОХВАЛОВ

**БОЕВОЙ РАЗВОРОТ
И-16 ДЛЯ «ПОПАДАНЦА»**

**ЭКМО
ЯУЗА
МОСКВА
2015**

УДК 82-312.9
ББК 84(2Рос-Рус)6-4
С 17

Разработка серии *Владиславы Матвеевой*

В оформлении переплета использована иллюстрация
художника *И. Варавина*

Самохвалов, Александр Александрович.

С 17 Боевой разворот. И-16 для «попаданца» / Александр Самохвалов. — Москва : Яуза : Эксмо, 2015. — 480 с. — (Военно-фантастический бестселлер).

ISBN 978-5-699-75339-0

Летом 1941 года средняя продолжительность жизни «сталинских соколов» на передовой не превышала двух недель. А истребителю-«попаданцу» из далекого будущего отпущено и того меньше. За эти десять фронтовых дней не успеть ни пробиться на прием к Сталину, ни ликвидировать фюрера, ни создать реактивную авиацию. Всё, что ты можешь, оказавшись в теле своего прадеда, — занять его место в боевом строю И-16, чтобы погибнуть в бою за Родину... Десять дней в небесном аду, десять дней отчаянных боевых вылетов на прикрытие, разведку и перехват, на сопровождение бомбардировщиков и самоубийственные штурмовки... Два сбитых фашистских аса, уничтоженная немецкая супермортира, спасенный от гибели под бомбами прадедовский полк... Много это или мало, чтобы изменить ход войны? Ради чего «попаданцу» взлетать в преисподнюю и сгорать заживо? Достоин ли наше будущее бессмертной дедовской славы?..

УДК 82-312.9
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

ISBN 978-5-699-75339-0

© Самохвалов А.А., 2015
© ООО «Издательство «Яуза», 2015
© ООО «Издательство «Эксмо», 2015

Посвящается моему отцу, Самохвалову Александру Ивановичу, который встретил ту войну 22 июня 1941 года в Карпатах сержантом, заместителем командира пулеметного взвода в составе горнострелковой дивизии, прошел Сталинград и проводил ее 10 мая 1945 года в Праге, капитаном, офицером разведывательного отдела армии.

ПРОЛОГ

А потом мне приснился странный сон... Будто бы просыпаюсь я в палатке. Типа армейского четырехугольного такого полевого шатра. Укрыт плотным шерстяным одеялом, но к телу простыня, одеяло не колет. Тихо, только сопят носами соседи по палатке, которых, кажется, знаю, но это неважно. Темно, лишь сквозь щель незашнурованного, по причине сухой погоды, входа едва-едва пробивается слабый намек на близкий рассвет. Член колом, очень хочется писать. Но вставать просто ужас как неохота. Вдыхаемый воздух более чем прохладен, в палатке явно не май месяц. Впрочем, июнь — толкается в голове какая-то, словно «чужая», мысль. И снова какие-то определенно «не мои» мысли — потоком: «Воскресенье, может быть, готовность отменяют, пойду домой, к Варе (теплом торкнуло в душу — жена, что ли? Сроду не было у меня никакой жены — тут же ощущение вкуса борща на языке, с чесноком и сметаной). Хотя хрен, чертово дежурство... Угораздило же... Впрочем, надо вставать — все равно так вот больше не засну. Интересно, который час? Светает... Значит, дело к пяти¹ ...

Резко выдохнув, откинул одеяло, опустил ноги с деревянных, похоже, нар (необычно — «моя» мысль), надел сапоги, не заморачиваясь портянками (откуда?), и как был в летнем тонком белье (хэбэшная белая рубашка, такие же подштанники аж до щиколоток, что за черт — сроду такого не носил), так и кинулся к местным походно-полевым удобствам. Типа «сортир деревянный, мультиочковый». Рассвет едва занимался, под грибком дремал дневальный в старинного образца шинели, растопорщенной на уши пилотке и с «трехлинейкой» при штыке (снова мелькну-

ла «чужая» мысль — по готовности приказали получить). Затрусил мелкими к строению, думы спросонья текли поначалу неспешно, будто перекликаясь — «чужие» со «своими»:

— Так, сегодня 22-е...

— 22-е... а месяц какой?

— 22 июня...

— Год!!!

— Какой-какой... 41-й...

— 22 июня 1941 года?!

— Ну да... Готовность вот вчера объявили, на казарму посадили... Всех.

Из удобств выскочил как ошпаренный и помчался в палатку, провожаемый удивленным взглядом встрепенувшего дневального. На востоке уже капитально посветлело, запад совсем еще темный. Глянул на часы («кировка» — подсказал «чужой») — без пяти пять. Быстрее! Автоматически, привычными движениями почти мгновенно оказался в форме и комбезе сверху, при сапогах с будто сами собой намотавшимися портянками, ремне с тяжелой кобурой на дурацких каких-то ремешках, пилоткой с голубым кантом за этим самым ремнем, кожаным шлемом с авиационными очками в правой руке и летными перчатками, на ощупь из тонкой замши, что ли, с крагами, в левой. Споткнувшись о невысокий порожек — надо быть последним идиотом, чтоб к сапогам такие высокие каблуки приколачивать, — и пребольно стукнувшись носком правой о скребок для чистки этих самых сапог, что у входа в палатку (ни фигу себе, проработочка бэкграунда — мелькнула «своя» мысль, потом дошло — это же сон!), рванул к взлетке, где — я точно знал — должен стоять истребитель. Мой истребитель. Дежурного звена. Полностью запрошенный, с боеприпасами и дрыхнувшим под крылом технарем впридачу.

Не успел запыхаться, как вот уже он. Стоит, красуется. Мордатый такой весь из себя биплан. Точнее, полутораплан. Нижние плоскости заметно меньше верхних. И-15 бис² защитного с упором в прозелень цвета, с голубовато-серым брюхом, утонувшим в успевшей уже вымахать по краям летного поля траве-мураве. Какой чудесный сон! Всего своего меня затопил бешеный восторг, чужой же заткнулся, со своими мелкими страхами и малодушными

опасениями. Классный сон, по реальности ни один симулятор, даже самый современный, и близко не стоял — успел подумать, — и любимая «птичка» ждет не дождется в поле! В смысле, неподалеку от ВПП. Ну, почти любимая. И-153³ нравится мне все-таки больше. В смысле, еще больше. Почти идеальная машина была. Для настоящего маневренного воздушного боя. Правда, прошли уже те времена... но в умелых руках мы еще очень даже о-го-го! Мои — умелые.

Так, обтекатели с шасси сняты, и правильно, иначе при таком травостое запросто скапотировать можно. Оп, а это, кажется, вовсе не И-15 бис. Просто И-15, что ли? Центроплан с «чайкой», а шасси явно не убирающееся. Но капотирование движка вроде как у «биса». Впрочем, потом разберусь. Если понадобится. Какой, однако, замечательный сон!

С воплем «Подъем!» пинаю технаря, свернувшегося калачиком под покрывшейся у рта утренним инеем шинелькой, откидываю бортовой щиток и сталинским соколом взлетаю в кабину. Парашют укладываем на сиденье аккуратноенько, потому что поспешишь — людей насмешишь, а мне на ем сидеть... Пристегиваемся... Так, что тут у нас... Приборчики более чем скромненькие, даже для тех времен. Хотя выотомер и компас с авиагоризонтом, он тогда как-то иначе назывался⁴, впрочем, не суть... Детализация потрясная, вплоть до потертостей и сколов, хотя сон он и есть сон... Ого, а у нас тут не четверка ПВ⁵, а вовсе даже наоборот, пара БС⁶! Слышал-слышал, была такая версия... очень малой серией... точнее, единичные экземпляры... в сочетании с М-25 В⁷, если память не изменяет. Живем!

Совершенно спокойно — а че волноваться-то? — произвожу давно привычные действия, не забывая контролировать обстановку. Так, механик молодой, почти незнакомый («чужие» мысли в фоновом режиме: «Петрович, похоже, опять в деревню по бабам умотал, салажонка за себя оставил, под трибунал пойдет, дурачина старый»), тем лучше, еще и спросонья — выпустит без лишних вопросов. Хотя... оп, у нас тут пневматическая система самозапуска. Приходилось слышать и о таком... Точно, в реале это называлось И-152. Опытный, наверное... Рычаг высотного корректора стоит на «нормально», можно руку на газ...

Слева выше очень медленно (по меркам XXI века, разумеется) проползают, тысячах на двух с половиной, три де-

вятки 88-х. Это не к нам, похоже к соседям. Справа, вдалеке, куда-то спешат по своим делам «карандашики» «дорнье», модель не разглядеть. Уж очень похожи они, все эти «дорнье», друг на дружку. Идут без истребительного прикрытия. Все точно как в книгах про ту войну. Кстати, зрение просто потрясающее. У меня никогда такого не было. Вот это сон!

Командую «От винта!», не проснувшийся еще толком технарь шарахается в сторону. Опа — движок пошел! Истребитель медленно двинулся вперед. Похоже, тормоза шасси сняты — так тоже делали, наслышан. Не разогревая — времени нет! — выруливаю на старт. Взвожу пулеметы, благо всего пара и оба сверху. Не без труда, правда. Крупнокалиберные, однако. Глянув на бессильно повисшего полосатым пенисом колдуна*, убеждаюсь в отсутствии ветра. Добавляю газ, движок ревет, ускорение вжимает в кресло. Трясет, кстати, не так чтобы очень. Видимо, мой «чато» еще и с усовершенствованными — двойными — демпферами на мотораме. Скорость набирает хорошо... ручку на себя — и отрыв, буквально через полторы сотни метров... С ревом вгрызаюсь в темно-голубое небо. Внушает! Какой все-таки потрясающий сон!

Так, а вот это уже точно к нам. На фоне едва успевшего подернуться на западе темным еще намеком на голубизну неба четко вырисовываются знакомые силуэты. Сильно растянутые по горизонтали буквы «W» с двумя блямбами снизу. «Лаптежники»! То есть Ju-87⁸. Полная эскадрилья. Двенадцать, значитца, «штук». На где-то паре тысяч по высоте, до нас километров десять еще. Успеваю!

Набирая высоту, оглядываюсь по сторонам и вверх. «Юнкерсы», как им и положено, заканчивают замыкать свой круг и вот-вот начнут сваливаться в пике. Решили, очевидно, заходить ниже обычного. Поскольку зенитчики должны спать еще. Они и спят... На пятистах примерно метрах ухожу в вираж. До чего ж мы хороши в вираже! Точно какой-то из «не бисовых» И-15-х, «бис» — тот потормознее на вираже будет⁹. И скороподъемность, чувствую, выше. Класс! Часть тела, непосредственно соприкасающаяся

* Колдун, или колбаса, — указатель направления и — отчасти — силы ветра. Имеет вид довольно длинного матерчатого полосатого конуса, расправленного у устья круглым — обычно металлическим — ободом, установленным во вращающемся шарнире на высоченной мачте.

с парашютом, исправно чувствует, как, перевернувшись на 180°, плавно входит в пике ведущий «моей» дюжины. И тебя, голубчик, вылечат... — бормочу сквозь зубы, разблокируя гашетку. Итак, смертельный номер! Впервые на арене... цирка, скажем так! Зрители, во всяком случае, точно собрались уже, помимо моего технаря, раззявы сонного... Вниманию почтеннейшей публики! Слабонервных просим удалиться! Перехват на строго перпендикулярном курсе с набором высоты ненормальным каким-то И-15-м пикирующего на недобрых шестистах верстах в час «лапотника»! Прицел — это для «чайников». Всем фюзеляжем располагаемся по линии прохождения несущейся на меня сверху разлапистой тушки... Едва успев превратиться, на совершенно неуловимое мгновение, в знакомый силуэт, с ревом мелькает серо-зелено-коричневым, такое чувство, метраж в двадцати всего перед капотом, ей-богу, не больше! Но я успел — мастерство не пропешь и не прогуляешь — всего-то лишь на один короткий миг придавить гашетку. Тряхнуло точно не по-детски, и воздушным потоком, и очередью. Прочее — вопрос везения. При такой скорости мелькания не факт, что хотя бы одна пулька пришла на «лапотника». На шести сотнях верст за одну семнадцатую секунды весь проскочил, а мы за секунду всего-то 25 пулек выпускаем из обоих стволов... Впрочем, шанс есть, и даже вполне. Оп, внизу взрыв... Первый готов! Набирая высоту, снова ухожу в вираж, и следующий «лапотник» мелькает сквозь мои трассы, теперь уже серо-голубым брюхом. И снова в вираж, очередной тоже, словно глухарь на току, занят только собой и своим пикированием, внизу снова взрыв, второй тоже готов, однако третий, похоже, выцеливает, видимо что-то в последний момент заметить успел и желает теперь угостить меня из курсовых... Хрен! Чуток задрал курносый капот, мой «чато» пропускает трассы перед собой, снова очередь, уже моя, и опять в вираж... Четвертый, похоже, раздумал пикировать, разворачивается на запад... Высота у них великовата для меня, я ж едва ли и тыщу набрать успел, а они на двух... не по уставу ихнему — должны были вообще на четырех с половиной заходить. Снизу снова тряхнуло взрывом... Что, и третий тоже?! Какой чудесный сон!!!

Так, а с бомбами-то они еще медленнее меня, даже набирающего высоту. Ага, дошло, бомбы сбрасывают. Куда

ни попада. Ну, теперь это точно не моя добыча. Больше трехсот семидесяти эта «птичка» никогда не выжимала. Би-план, с неубирающимся шасси к тому же. Морально устарили мы, определенно. А жаль. В скороподъемности почти никому не уступаем¹⁰ ...Про виражи вообще молчу. Сказка. Видимо, с завода опытный образец сбросили. Ставший ненужным по причине полного морального устаревания и абсолютной утраты всякой актуальности. Краем глаза видел на аэродроме пару «мигов», когда взлетал, на них тоже БСы стояли. Видимо, из-за этого сюда и моего направили. Доживать-дослуживать. Зато уж мне повезло-то как!.. Хотя бы во сне.

Так, что теперь? А теперь подежурим малехо, на паре тысяч. Горючего без малого полный бак. Боекомплект... А какой у нас, кстати, боекомплект? По триста на ствол? И расстрелял я, дай бог, если десятка по три с каждого. Коротенькие совсем очереди были.

Сначала контролируем воздух. Никого и ничего, лишь «моя» девятка уже 87-х вдали уходит, курсом на запад. По идее, эскадрильи пикировщиков на полнокровный иап РККА* маловато будет. Сейчас должны еще подойти, под раздачу. Минут через десять, надо думать. Так, что у нас на земле... А на земле у нас «юнкерсы» горят. Пара совсем рядом с ВПП, метили, похоже, в счетверенки¹¹, да там и сгинули... с небольшим перелетом... а у зениток уже народ суетится. Вон еще один, чуток подальше, видимо, начал было выходить из пике, да не смог. И исправному-то нелегко, а я его, похоже, задел-таки... или испужался так... неважно. И пара И-15 бис на взлете. Это из моего дежурного звена. А еще какой-то не наш У-2¹² на подходе. Из штаба дивизии, похоже — исправно информирует «чужой». Понятно. Уровень боеготовности поднимать. По причине, полагаю, отсутствия иной связи. Как оно и было на самом деле. В реале, имею в виду. Поздно, старик, уже засунули¹³ ...

Нарезаю себе круги над аэродромом, изредка посматривая на набирающих высоту «подельников», а в основном любясь небом и землей. «Мессеры», знамо дело, обожают невнимательных. Так, на западе опять не тихо. Черные

* Иап — истребительный авиаполк; РККА — Рабоче-Крестьянская Красная Армия. Соответственно, шап — штурмовой, сбап — скоростной бомбардировочный, тбап — тяжелый бомбардировочный, ббап — ближний бомбардировочный и т. п.

точки вскоре превращаются в крошечные силуэтики. С парами блямбочек по бокам от фюзеляжей. Ну и зрение у меня в этом сне! Супер-пупер! В гости к нам определенно «хейнкели», He-111¹⁴, то есть всей девяткой припожаловали. Где-то на полутора тысячах. Мои тоже уже на полутора, ведущий (старший лейтенант Фролов Петр Ильич — проносится в голове) увидел «хейнкелей» и пошел навстречу, за ним ведомый, что пристроился слева. Мое место, получается, справа. Прискорбно¹⁵. Ну да ничего, какие наши годы... Пару минут просто летим навстречу, потом Фролов пошел в лоб ведущему девятки, левый (знаю откуда-то, что это младший лейтенант Петькин) пристроился за ним, я же, убавив газ, немного приотстал и снизился. Сближаемся быстро, чуть опередивших меня Фролова с Петькиным словно опутали встречные трассы, вся девятка бьет по ним, а курсовое вооружение у этой версии «хейнкеля» довольно богатое уже... Фролов открыл огонь — далеко, поугал только, — потом быстро сманеврировал влево и вправо, сбивая прицел бомберам, потом, со стрельбой, резко ушел вбок и вниз, резанув длинной очередью по ведущему левого звена. Испанская школа! Менее опытный Петькин идет, ведя огонь на погибель стволам, по прямой, потом как-то неуклюже рыскает вниз, дальше на него не смотрю — мой выход. Пошел в горку и влево, резко сбросив скорость, потом с переворотом вниз и вправо, потом гашетки, кажется, успел даже заметить, как обе мои трассы впились в кабину ведущего, снова переворот и сразу вираж, прямо на боковой пулемет дальнего ведомого, но тот не успевает, зато успеваю я, правда без толку, там у «хенка» броня, но, кажется, стрелка нейтрализовал-таки — и все... в небе впереди пусто...

Какой все-таки восхитительный сон! Небо передо мною чистое, мотор ревет, сзади недосыгаемые для меня «хейнкели», уже без беспорядочно кувыркающегося вниз ведущего девятки, и еще один, кажись, задымил двигателем, его, похоже, Фролов достал.

Без спешки уже — а куда спешить? — поворачивая к аэродрому, осматриваюсь. «Мессеров» не видать. Слева чуть впереди Фролов. Получается, я даже на своем штатном месте, лишь далековато оторвался. Петькина только не обнаруживаю. Хотя нет, вон он, внизу, порхает бабочкой. Неуправляемый полет, и купола не видно. Первая потеря.

Почти не знал его, хотя и из нашего выпуска. Как его звали-то... Валера, кажется...

Полным газом поспешаем за «хейнкелями». Так вот, конечно, не догоним, но перед бомбежкой тем придется лечь на боевой курс, вот тут-то и мы подоспеем. Впрочем, трассы веником, и из-за «хейнкелей» высыпает в стороны и вверх, парами, сразу шестерка «чаек». Молодцы, успели взлететь! Один «хейнкель» сразу вспух взрывом, оставшиеся поспешно избавляются от бомб и уходят с набором высоты куда-то на юг, огрызаясь трассами, «чайки» за ними. Тот, которого пометил мой ведущий, заметно отстает. Похоже, отлетелся. Но его возьмут «чайки», а Фролов уже закладывает широкий вираж. Правильно, наша главная задача — обезопасить взлет-посадку. В экономичном режиме барражируем над аэродромом еще минут двадцать, контролируя воздух. Ощущения поначалу несколько необычные. Вроде чувствую себя спокойным, как танк, сколько такого уже было на симуляторах — не счастье... а сердце-то все равно колотится как сумасшедшее. Чудеса. Станный какой-то сон. Со всеми звуками, ощущениями, запахами даже, как, впрочем, и положено в современном симуляторе, но реальность какая-то... чересчур реальная, скажем так. Вот гарью потянуло с земли. Там три воронки с разбросанными вроде как головешками, горящими и дымящимися вокруг. Возвращаются «чайки». Все вшестером. Что радуется. Заходят на посадку, притираются к полосе — но это не наше дело. Наша «коза ностра» — бдить небо. Фролов вон головой крутит, как заведенный. Опыт есть опыт. Через пяток минут вижу — взлетают еще две тройки «чаек». Похоже, на смену нам. Фролов, качнув мне крыльями, заходит на посадку. Пора и мне. Не спеша снижаюсь, продолжая контролировать воздушное пространство. Притираю машину на все три точки и гоню тихонечко так к стоянке. Там, похоже, главные «фуражки» собрались. Уже...

Встав на место, выключаю зажигание, отстегиваюсь, отрываю потную задницу от парашюта, на крыло и на землю. Родимую!.. Трава мягко пружинит под высокими каблучками. Продолжаю радоваться жизни — какой потрясающий сон! Шлем в руки — пилотку на голову. Фролов ждет. Стройный, белобрысый, сухощавый. Глаза серо-голубые, вроде спокойные, но словно с сумасшедшинкой в глубине. Может, после боя? Хотя нет, «чужой» полагает его мужи-

ком нормальным, но жутко взрывным. В наше время сказали бы — «отмороженным». На всю голову. Пожимает руку. Крепенько так. Топаем к «фуражкам», Фролов чуть впереди — начальник, однако... Задумываюсь на секунду, и управление тут же перехватывает «чужой». Шагов за пять переходит на строевой (до чего жладно это у него получается!), где-то в паре шагов от совсем молодого еще чернявого мужика, довольно рослого и слегка горбоносого (от «чужого» знаю — комполка, майор Костенко, Анатолий Валентинович), останавливается, по стойке «смирно», рука к голове. Фролов рядом, слышу, докладывает: «Товарищ майор! Звено старшего лейтенанта Фролова посадку произвело. Задание выполнено. Уничтожено четыре самолета противника. Потери: младший лейтенант Петькин».

Майор, отдавая честь, молча смотрит, внимательно так, сначала на Фролова, потом на меня. Меня же что-то цепляет, какая-то неувязочка... Нестык какой-то... Ага, нога болит. Которую ушиб, когда из палатки выскакивал. Так не бывает. Не бывает такой детализации. Ни в симуляторах, ни во сне. Чтоб еще и боль. Не от раны, а от случайного ушиба. И тут до меня вдруг дошло, что это не сон!

День первый

И тут до меня вдруг дошло, что это не сон... Сердце рвануло к горлу и тут же ухнуло вниз, мир словно подернулся рябью, горизонт качнулся, и земля будто выкатилась из-под ног...

Очнулся уже в палатке. На кровати. С панцирной сеткой. Такие только в санитарную поставили успели. Надо же, страсти-мордасти какие. Сомлел, словно барышня. Хорошо хоть в туалет сбегал перед вылетом, попить не успел и в полете потел. Иначе и вовсе мокрое дело было бы. Впрочем, в реально боевых частях это не запахло. Хоть обосришь, а если действуешь по делу, то и претензий к тебе никаких. Так, подколют... И то не факт.

Хотя и шуточка со мной случилась... определенно не для слабонервных. Как это меня угораздило... и, самое главное, куда? А также — зачем?

Рядом с кроватью мужик сидит. Похоже, ждал, когда проснусь. В форме. Белобрысый до белесости, глаза стыло-бесцветные, а кажется, будто темный весь, обугленный какой-то. Душой, наверное? В голове шепнуло — особист. Старший лейтенант ГБ Альгирдус Йонасович Катилюс. Литовец, выходит... Третий, с недавнего времени и пока еще, отдел НКО¹⁶, ага. Кровавая, значит, «гэбня» в гости к нам. Не так чтобы очень молод. Для старлея. Впрочем, их дела — кто ведает? Век бы не знать...

Что очнулся, просек сразу, но не шелохнулся даже. Смотрим друг другу в глаза. Типа, кто кого переглядит. Прежнего меня, похоже, дрожь пробирает, мне тоже не дюже уютно, но и не так чтобы очень. Отбоился свое... Давно.

— Как самочувствие, Малышев? — спокойно так. Акцента нет. Единственно, какой-то слишком правильный, что ли, выговор.

Ага, Малышев, вот, значит, как... Откуда-то знакомое фамилие, но давай-ка мы лучше сейчас по-быстренькому «чужого» выпустим, с его страхом, а? А то этот стьлоглазый, похоже, не зря свой хлебушко трескает, с ходу приступит контру выискивать. Нам же в контры не хочется. Вроде как ни к чему нам это. Совсем. В столь стремные тем более времена.

— Хорошее самочувствие, спасибо, товарищ старший лейтенант госбезопасности, — бормочу скороговоркой, пытаюсь привстать в кровати. Взгляд по максимуму преданный, боюсь и на самом деле, иначе почувствует. Знаем и эту публику. С тех пор она если и поменялась, так разве что поплоче стала. Однако и говорок же у меня... деревня деревней, причем глухое такое Поволжье. Этих ни с кем не спугаешь, с их жестким безударным «о». И привязчивая штука эта до безобразия. У баб Вари до самой смерти такой был. Как начнет окать, так хошь стой, а хошь падай. Пацаны подмосковные, помню, аж уссыкались. За глаза. В глаза же и не думали. Уважали потому как. Было за что.

— А долго я...

— Минут десять... Ничего, ничего, лежите... — Пауза. — А как это вы взлетели... вот так... без приказа, без ракеты... Без всего?

— Виноват, товарищ старший лейтенант, сон пришил, что немцы напали, а я в дежурном звене... Побежал спросонья, смотрю, и правда летят...

— И что, тут же вот так... взял да и полетел, а?

— Я, товарищ старший лейтенант, вообще думал, что сон это... все время. Даже когда взлетел, не понимал еще. Только потом чувствую — нога болит, ушиб которую, во сне не бывает, чтоб нога так вот болела, и понял, что не сон... Когда старший лейтенант Фролов докладывал уже... Так испугался, что аж сомлел тут же... Что мне теперь будет за это, а, товарищ старший лейтенант? — Вот так, чистую правду, и ничего, кроме правды, и страха с ужасом побольше. Может, и проскочу. Наверняка проскочу. Забот у него сегодня и так выше крыши должно быть. Раз нас ночью по тревоге не подняли, значит, связи не было. Скорее всего, и сейчас нет. Почему — черт его знает. Проводную, ясное дело, «Бранденбург»¹⁷ порезал. А вот что с радиосвязью... Нет, и все тут¹⁸. Не копенгаген я по части радиосвязи.